

Мо Ецянь тайно беспокоился, что Принцесса Яогуан всё ещё не выпила свой бокал, но неожиданно Лэ Юй наконец отвёл взгляд от двух красавиц и устремил его на него, сказав:

— Полагаю, вы — третий ученик Принцессы Яогуан, господин Мо.

Он стоял перед медным столом, вращая складной веер, и Мо Ецянь почувствовал себя неловко. Лэ Юй продолжил:

— Я наблюдал за действиями Зала Заточки Мечей на этом пути, и они не похожи на стиль Принцессы Яогуан. Это вы стояли за всем этим, не так ли?

Мо Ецянь с трудом ответил:

— Вы слишком любезны. Мой учитель и... ваша мать были знакомы. Я не наносил визита, но сегодня можно считать, что я выразил своё почтение.

Лэ Юй вдруг улыбнулся:

— Но, честно говоря, мне не нравится, когда ученики наставника из Северной Хань свободно разгуливают у моего порога.

Мо Ецянь тревожно взглянул на Принцессу Яогуан, но она оставалась неподвижной, словно ничего не слышала. Он, никогда не унижавшийся перед другими, холодно усмехнулся:

— Мы уже в восьмистах ли от острова Пэнлай, ваше влияние, кажется, слишком велико...

Лэ Юй тихо рассмеялся. Это был лёгкий звук, словно он смеялся над чем-то забавным. Звук коснулся ушей Сяо Шанли, и его уши слегка зачесались, но в сердце внезапно сжалось. До этого он намеренно смотрел в окно, лишь краем глаза видя край одежды Лэ Юя. Сяо Шанли почувствовал неладное и случайно встретился взглядом с Лэ Юем. Это было как звук разрыва струны. Взгляд этого человека был острым, его фигура стройной и величественной, а выражение лица — спокойным. Лэ Юй, не отводя глаз, бросил веер. Сяо Шанли вздрогнул! Веер стремительно полетел к Мо Ецяню, сила ветра была такой, что казалось, он собирается убить его на месте!

Веер вылетел, огни погасли, и Мо Ецянь вскрикнул, но Принцесса Яогуан резко дёрнула его. Её широкие рукава развевались, обвивая вращающийся веер, и в мгновение ока веер был схвачен её тонкими пальцами. Она опустила рукава, скрывая руку, и, с трудом удерживая веер, её бледные пальцы дрожали от боли!

— Зачем вы это сделали, Принцесса? — Лэ Юй, стоя спиной к Сяо Шанли, поднял голову. — Не говоря уже о восьмистах ли, Южная Чу, Восточное У — половина Поднебесной — всё это у моего порога.

Не сумев убить Мо Ецяня, он, наоборот, почувствовал жалость к маленькому Князю Цзинчэн и крепко прикрыл его собой. Мо Ецянь, едва придя в себя, тяжело дышал. Принцесса Яогуан

сказала:

— Что вы имеете в виду?

Лэ Юй ответил:

— Я хотел подарить этот веер вам на память, но, к сожалению, он повреждён.

— Вы не боитесь, что люди будут говорить о вашей жестокости?

— Наоборот, мне нравится такая репутация.

Сяо Шанли, защищённый им, чувствовал себя так, будто Лэ Юй был божеством. Но его статус хозяина острова Пэнлай проявлялся в разговоре, и граница между двором и миром рек и озёр была чёткой. В сердце Сяо Шанли царил хаос, смешанные чувства переполняли его. Принцесса Яогуан наконец сказала:

— Вы не считаетесь с тем, что он ученик гроссмейстера, не боитесь вражды с гроссмейстером, но я должна считаться с тем, что он мой учитель.

— Хорошо, — сказал Лэ Юй. — Учитывая, что это его первый проступок, я уважу ваше мнение. Пусть он отдаст два пальца: один для Южной Чу, другой — для Павильона Весеннего Дождя.

Служанка Принцессы Яогуан вернула веер, и Лэ Юй, не боясь ничьей вражды, постучал веером по ладони, окинул Мо Ецяня взглядом и сказал:

— Ну что, я сам сделаю это, или вы предпочитаете сами?

Мо Ецянь почувствовал, будто проглотил уголёк. Принцесса Яогуан не собиралась его защищать. Его грудь тяжело вздымалась, он выхватил изогнутый меч у воина и одним ударом отрубил себе безымянный палец и мизинец на левой руке. Пальцы отлетели, разделившись на суставах, и покатались по полу. От невыносимой боли его красивое лицо исказилось, он быстро посыпал рану порошком, прикусив язык до крови. Кровь хлынула, но порошок остановил её. В поту он услышал, как Лэ Юй, наклонившись к нему, сказал:

— Господин Мо, лучше вам больше не появляться в Центральных землях и не попадаться мне на глаза. Иначе, каждый раз, когда я вас увижу, я отрублю вам руку. Я выполню своё обещание.

Мо Ецянь, обессиленный, опустился на стол. Боль подавила его разум, и единственное, что держало его здесь, было желание увидеть, как Принцесса Яогуан выпьет тот бокал. Она только что бросила его! Он хотел, чтобы она навсегда погрузилась в бездну.

Настал момент расставания. Принцесса Яогуан сказала:

— Через десять лет мы снова сразимся.

Как говорится, «в мире истинного удовольствия, за пределами небес вечной жизни», практика семьи Лэ, «Сутра Истинного Удовольствия», направлена на «свободу и непринуждённость», на общение со всем миром, но последний этап — это прощание с близкими и уединение, чтобы познать свой внутренний мир. А её практика, «Секрет Вечной Жизни», требует забыть чувства и жить в одиночестве, не смешиваясь с миром. Чтобы достичь уровня гроссмейстера, нужно найти равного соперника, чтобы увидеть «небеса за пределами небес».

Самый свободный должен в одиночестве постичь своё сердце, чтобы увидеть истинное «я»; самый возвышенный должен быть побеждён, чтобы увидеть этот мир. Принцесса Яогуан уже видела в Лэ Юе свои «небеса за пределами небес». Она поклялась не ступить на землю Южной Чу. Лэ Юй улыбнулся:

— Через десять лет я лично приду к вам для поединка.

Даже если в Северной Хань его ждут горы мечей и море огня, он готов отправиться в логово тигра, чтобы выполнить это обещание.

Они ударили по ладоням, но без использования внутренней энергии. Это не было враждой или дружбой, и не было связано с любовью, но оба чувствовали лёгкость и радость. Лэ Юй сказал:

— Жаль, что нет вина.

Принцесса Яогуан ответила:

— Если вы хотите вина, как его может не быть?

Она подняла перед собой бокал и протянула его Лэ Юю. Она ещё не пила из него, но для людей мира рек и озёр это не было оскорблением. Лэ Юй взял бокал и выпил залпом. Служанка принесла ещё один бокал, и Принцесса Яогуан тоже выпила его. Мо Ецянь, наблюдая, как Лэ Юй выпил бокал с «Корнем страсти», на мгновение почувствовал страх, но, стиснув зубы, быстро опустил голову.

Лэ Юй наклонился и ещё раз взглянул на лицо Сяо Шанли, заставив его сердце бешено забиться, прежде чем сказать:

— Я пришёл спасти вас по просьбе хозяина Павильона Весеннего Дождя. Пожалуйста.

Сяо Шанли сделал несколько шагов, но ноги его подкосились. Он попытался держаться, но внезапно Лэ Юй подхватил его на руки.

Сяо Шанли никогда не сталкивался с таким! Он возмущённо воскликнул:

— Ты!

И попытался вырваться из его рук:

— Отпусти! Ты... ты хоть мылся и благоухал?

Лэ Юй ответил:

— Нет. И я только что убил человека, весь в крови. Вы тоже весь в крови, князь.

Сяо Шанли, схватившись за его одежду, закрыл глаза, и Лэ Юй вынес его на край корабля, прыгнув вниз.

В его объятиях, среди запаха крови, Сяо Шанли почувствовал, как его сердце постепенно успокаивается. Первая встреча с этим человеком была словно сон, туманный и непонятный, но в то же время он тайно надеялся, что этот момент продлится вечно.

Если бы он знал, о чём думал Лэ Юй, держа его на руках, он бы умер от досады. Князь Цзинчэн в свои годы был слишком красив. Даже в таком состоянии, в объятиях Лэ Юя, он выглядел ослепительно. Лэ Юй, держа в руках такую красоту, думал: «Всё же он мужчина. Если его сын таков, то какова же его мать?» Он даже пожалел, что не родился на тридцать лет раньше, чтобы быть современником Наложницы Жун.

Если бы она была ещё не замужем, а он был бы в том же возрасте, Лэ Юй подумал: «Я бы поклонился ей с первого взгляда и остался бы в Цзиньцзине, каждое утро вставал бы в час тигра и приносил бы ей лучший цветок с утренней росой, кладя его перед её зеркалом. Год за годом, месяц за месяцем. Не ради романтических чувств и не ради её внимания, просто потому, что прекрасный цветок подходит прекрасной женщине».

Через некоторое время в уютной комнате, где горели благовония и горели свечи, Лэ Юй одной рукой откинул занавес и положил Сяо Шанли на кровать. Одеяло источало лёгкий аромат. Князь Цзинчэн воскликнул:

— Не уходи!

Его голос дрожал. Лэ Юй, почувствовав жалость, отпустил служанок и спросил:

— Что ещё прикажете, князь?

Сяо Шанли опустил глаза:

— Ты спас меня дважды.

Первый раз — когда на него напали убийцы, и Лэ Юй спас его с помощью гу долгой жизни; второй раз — от Зала Заточки Мечей Северной Чу. Лэ Юй с усмешкой ждал благодарности, но Сяо Шанли, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Не думай, что можешь что-то требовать от меня. Люди из мира рек и озёр — угроза для государства!

Лэ Юй мгновенно помрачнел, постоял немного и с усмешкой сказал:

— Уже поздно, князь, отдыхайте. Я удаляюсь.

С этими словами он щёлкнул пальцами, и все свечи в комнате погасли, оставив Сяо Шанли в темноте.

Ближе к полуночи в комнате Гу Сана горел тусклый свет. Лэ Юй ловко перелез через перила второго этажа Терема Ласточек. Тэнъи равнодушно не смотрела на него и бросила щепотку мелко измельчённого благовония в медную курильницу.

<http://bllate.org/book/15272/1348053>